

АНГЛИЙСКИЕ «МАРКЕРЫ ДИСКУРСА» В ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ И ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

(Часть I)

М. А. Егорова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2008 г.

Аннотация: *обсуждается дискуссионная проблема «маркеров дискурса», для решения которой поэтапно выполняются две задачи: упорядочение лингвистического пространства, образуемого научными понятиями, и локализация маркеров дискурса как «естественной прототипической» категории в пространстве самого языка, образуемом другими «естественными» категориями.*
Ключевые слова: *дискурс, маркеры дискурса, дискурсивные частицы, прагматические маркеры.*

Abstract: *the paper discusses the controversial issue of «discourse markers». In order to deal with the problem, two consecutive steps are taken: providing a more coherent framework of linguistic concepts and terms and locating discourse markers as a «natural class» within the framework of the language itself, in relation to other «natural classes».*

Key words: *discourse, discourse markers, discourse particles, pragmatic markers.*

В современном английском языке, как, впрочем, и в других языках разного типа, обнаруживается группа единиц, наиболее широко известных под именем «discourse markers» (маркеры дискурса). Яркими представителями последних являются: *well* — в английском языке, *ja* — в немецком, *vraiment* — во французском.

Особенно интенсивно «маркеры дискурса» исследуются на протяжении двух последних десятилетий, причем как во внутри-, так и в межъязыковом плане, как в синхронии, так и в диахронии, как в речи носителей языка, так и в речи иностранцев. О «маркерах дискурса» написаны не только отдельные статьи [1; 2 и др.], но и монографии [3—9] и диссертации [10]. Неоднократно предпринимались также попытки обобщить накопленные сведения в рамках особых тематических сборников [11—13] или тематических выпусков журналов (Journal of Pragmatics 30). Несмотря на все это, четкое представление о так называемой «внутренней» и «внешней» [14] системности объекта отсутствует, что делает проблему «маркеров дискурса» по-прежнему актуальной.

Одним из ключевых вопросов, по поводу которого нет единства мнения, является вопрос о качественном и количественном составе категории «маркеров дискурса» в отдельно взятых языках, и прежде всего в английском. В то время как в одних работах количество английских «маркеров дискурса» ограничивается лишь парой десятков, в других — оно исчисляется сот-

нями единиц (подробнее см. [5, с. 31—32]), а в третьих [15] высказывается мнение, что составление конечного списка в принципе невозможно, так как говорящие постоянно стремятся действовать в качестве «маркеров» все новые и новые языковые средства.

Столь явные количественные расхождения указывают на существование глубинных расхождений в исходном определении «маркеров дискурса». Действительно, общепринятого взгляда на то, что собой представляет указанный класс, на каких основаниях его следует выделять, равно как и в чем состоит его специфика по отношению к другим классам, пока не существует.

Интересно, однако, что даже при значительном совпадении критериев, предъявляемых исследователями к «маркерам дискурса» «на входе», списки последних «на выходе» могут совпадать лишь частично. В числе других этот парадокс отмечает М. Хельт [10, с. 24—25] на основе сопоставления шести различных описаний «маркеров дискурса» в современном английском языке [1, 7—9, 16, 17]: в двух и более работах в общей сложности упоминается 20 единиц, однако из них только 5 единиц фигурируют в списках у подавляющего большинства авторов (*well, oh, now, you know, I mean*) и лишь принадлежность разговорного *well* к числу «маркеров дискурса» ни у одного из них не вызывает сомнения. Такое положение дел, по-видимому, объясняется тем, что единицы типа *well* характеризуются некоторыми свойствами, осложняющими применение заявленных критериев на практике. К примеру, в случае выражений типа

you know сложность возникает из-за конфликта формального с семантическим и функциональным критериями: формально представляя собой подлежащно-сказуемую синтагму, выражение *you know* по своему значению и употреблению ничем не отличается от однословных маркеров, что, видимо, и повлекло появление у него в конечном итоге варианта слитного написания *y'know* и соответствующую звуковую «эрозию» при произнесении (сравните также с *kind of / sort of — kinda / sorta; you see — see*). Среди свойств «маркеров дискурса», осложняющих задачу определения состава категории, указывают также на типичную для подобных единиц полифункциональность, нечеткость семантики, равно как и их производный характер при отсутствии собственных морфологических показателей. Такого рода сложности, а также тот факт, что отличительные признаки «маркеров дискурса» значительно проще определить от противного (**не** имеют собственных морфологических показателей, **не** способны вступать в синтаксические связи с отдельными частями предложения), даже заставляют некоторых ученых задуматься над тем, действительно ли единицы, причисляемые к «маркерам дискурса», образуют самостоятельный, однородный класс, или же «маркеры дискурса» — это не что иное, как набор «осколков» разнородных категорий, собранных вместе лишь на том основании, что им не нашлось места ни в одном из традиционных выделяемых классов.

Таким образом, важным шагом к решению проблемы «маркеров дискурса» может стать максимально возможное разграничение трудностей, связанных с особыми свойствами «маркеров дискурса», и трудностей, вызванных глубинными различиями в подходах и методах их изучения. Именно эти два аспекта — онтологический и гносеологический — обозначены в названии статьи. В первой части работы мы сосредоточим внимание на гносеологическом аспекте, т.е. на рассмотрении «маркеров дискурса» в лингвистическом пространстве, для упорядочения которого, прежде всего, необходимо разобраться в терминологической путанице, являющейся серьезным препятствием для успешного решения анализируемой проблемы.

Несмотря на свою популярность, термин «маркеры дискурса» весьма неоднозначен. По мнению М. Стабза [18, с. 69], он был впервые использован У. Лабовым и Д. Фэншелем в 1977 г. в книге *Therapeutic Discourse: Psychotherapy as Conversation* [19]. До сих пор в настоящей статье для удобства мы употребляли его в максимально широком смысле, т.е. для обозна-

чения **всей совокупности** единиц, группирующихся вокруг прототипических «маркеров дискурса» типа *well*, подчеркивая условную допустимость такого употребления кавычками. За подобное максимально широкое употребление также составители сборника *Discourse markers* [13] — А. Jucker и Y. Ziv, считая, что термин «маркеры дискурса» как наиболее хорошо известный подходит для этого лучше, чем какие-либо другие. В достаточно широком смысле, т.е. как гипероним, термин употребляется Д. Шиффрин [8] и Д. Блэкмор [4]. Вместе с тем многие авторы этим же термином обозначают частную разновидность интересующих нас единиц, т.е. используют его в качестве гипонима по отношению к иному термину-гиперониму, обозначающему всю категорию в целом. Это характерно, например, для Б. Фрейзера, в работах которого в качестве гиперонима используется термин «pragmatic markers» (прагматические маркеры), одной из четырех разновидностей которых и признаются *discourse markers*. Наряду с маркерами дискурса автор выделяет: *basic pragmatic markers* (основные прагматические маркеры), *commentary pragmatic markers* (комментирующие прагматические маркеры) и *parallel pragmatic markers* (параллельные прагматические маркеры) [20]. Этому же гиперониму отдает предпочтение и Л. Бринтон [5], в то время как К. Фишер и К. Аймер [6] и [3] соответственно используют другой гипероним, а именно «*discourse particles*» (дискурсивные частицы). Иными словами, в научной литературе имеет хождение целый ряд составных терминов, построенных на различных комбинациях таких слов, как «*discourse*», «*pragmatic*», а также «*interactional*», «*modal*» и т.д., с одной стороны, и «*marker*», «*particle*», а также «*signal*», «*word*», «*idiom*» и т.д. — с другой. Конкретное содержание терминов, а также гипо-гиперонимические отношения между ними в значительной степени варьируются и, в силу этого, в каждом случае специфичны. Так, в иерархии терминов-понятий Б. Фрейзера [20] «прагматические маркеры», являясь гиперонимом по отношению к «маркерам дискурса», ставятся в один ряд с такими терминами-понятиями, как «*pragmatic idioms*» (прагматические идиомы) и «*modal particles*» (модальные частицы), так как все три категории относятся к прагматическим/модальным средствам языка. У К. Фишер [6] «дискурсивные частицы» являются гиперонимом по отношению к терминам-понятиям, обозначающим разновидности последних — «*segmentation markers*» (сегментирующие маркеры), *interjections* (междометия), *hesitation markers* (заполни-

тели пауз), и, наряду с модальными частицами, включаются в более общую категорию частиц (particles).

Проблема, однако, состоит не только в использовании разной терминологии. Согласованию различных терминов друг с другом препятствует то, что как классы, так и подклассы интересующих нас единиц выделяются разными авторами на основе либо лишь частично совпадающих критериев, либо вообще с принципиально различных позиций. Вследствие этого терминами-понятиями примерно одного уровня обозначаются различные сущности. Это наглядно видно, если сравнить иерархии, выстраиваемые Б. Фрейзером и К. Фишер. Как у первого, так и у второго авторов обнаруживаются три уровня: макроклас, необходимый для того, чтобы поместить интересующий класс в определенный контекст, два или более класса, один из которых — это либо прагматические маркеры (Фрейзер), либо дискурсивные частицы (Фишер) и, наконец, подклассы последних. Наличие трех уровней закономерно, поскольку именно такое минимальное количество уровней необходимо для разработки внешней и внутренней системности сложного объекта, т.е. для его отграничения от смежных явлений и определения внутреннего соотношения входящих в него элементов друг с другом. Не вызывает ни малейшего сомнения, что перед нами классификации, построенные на разных основаниях. Это особенно ярко проявляется на уровне макрокласов: макроклас частиц и макроклас прагматических/модальных языковых средств — это различные категории. Если первая соотносится с лексико-грамматическими классами, то вторая — с функционально-семантическими.

Использование разных терминов, таким образом, далеко не всегда является терминологическим произволом. Так, противопоставление **терминов** «маркеры дискурса» и «дискурсивные частицы» предотвращает отождествление соответствующих **классов** друг с другом и, в случаях мотивированного использования первых, дает ключ к пониманию сущности подхода к выделению последних. Нетрудно заметить, что существительное «marker» (маркер), образованное от глагола «to mark», по своей внутренней форме соотносится с действием, функцией, что делает естественным его использование для обозначения классов/подклассов, выделяемых исключительно или прежде всего по **функциональному** признаку. Таким образом, «discourse markers» — это буквально единицы, «маркирующие» нечто в дискурсе, или, иначе говоря, — единицы, функция которых состоит в том, чтобы **экспли-**

цировать то, что теоретически в дискурсе может не иметь явного выражения, но вместе с тем существенно для его когнитивной обработки и адекватного понимания. Это и причинно-следственные отношения между высказываниями; и верхняя/нижняя граница реплик и ходов; и отношение говорящего к описываемой ситуации/собеседнику; и особый прагматический ракурс, в котором следует интерпретировать тот или иной фрагмент. Не случайно, характеризуя маркеры дискурса, Д. Блэкмор [4] указывает на то, что они являются «**метапрагматическими** инструкциями» к когнитивной обработке его составляющих. Большинство из маркирующих функций подпадает под предложенное А. Вежбицкой понятие **метатекста**. Некоторые из них явно соотносятся с широко известными понятиями модальной рамки высказывания и модуса в паре понятий «модус-диктум».

В пределах **функционального подхода** у разных авторов состав маркеров дискурса варьируется в зависимости от того, какие именно из «маркирующих» функций приписываются последним. Так, Д. Льюис [21] определяет маркеры дискурса как единицы, эксплицирующие отношения между двумя фрагментами дискурса, причем только те из них, которые устанавливаются самим говорящим, а не являются отражением объективно существующих связей между событиями/ситуациями. Таким образом, в понимании данного автора единицы, эксплицирующие концептуальное отношение цели действия или его мотива, т.е. субъективной причины (reason), должны включаться в класс маркеров дискурса, тогда как единицы, указывающие на темпоральные отношения между событиями или отношение объективной причины (cause), найдутся за его пределами. Поскольку из всего разнообразия маркирующих функций, перечисленных выше, автор ограничивается лишь первой (экспликация отношений между высказываниями), и то с существенными оговорками, выделяемый функциональный класс маркеров дискурса оказывается весьма узким.

Помимо этого, расхождения в рамках функционального подхода зачастую объясняются различием параллельно предъявляемых формальных (грамматических) критериев. Так, в уже упомянутой работе Д. Льюис [21] маркеры дискурса — это единицы, синтаксически связанные со всем предложением в целом; из состава указанного класса, следовательно, исключаются изофункциональные синтаксически независимые единицы и единицы, связанные с отдельными частями предложения, представляющие собой **иные** языковые средства выражения субъектив-

ной модальности, к сфере которой автор относит маркеры дискурса. Наличие жестких формальных требований сужает выделяемый Д. Льюис класс еще больше.

В целом, чем меньше вводится формальных ограничений и чем больше диапазон маркирующих функций, тем шире оказывается функциональный класс маркеров дискурса, в который при максимально широком определении, наряду с лексическими единицами, могут включаться стандартные фразы и даже отдельные словоформы. Что касается последних, то, например, можно вести речь об особой маркирующей функции Past Perfect, которая состоит в экспликации регресса в повествовании. Широко определяемый функциональный класс маркеров дискурса неизбежно характеризуется гетерогенностью по линии грамматических свойств его членов: это и слова, и фразы, и отдельные морфологические формы слов; и единицы, выполняющие синтаксические функции в предложении, и единицы, таковых не имеющие. Кроме того, как мы имели возможность убедиться, прагматическая/дискурсивная функция в этом случае может быть для них как основной или даже единственной (*well, oh*), так и являться вторичной по отношению к функции номинации событий и их локализации во времени (видо-временные формы) или связующей синтаксической функции (*and, but*).

При подходе, мотивирующем предпочтительное употребление гиперонима «discourse particle», который будет условно обозначен как **формальный¹ подход**, наблюдается обратное: в соответствующий класс включаются единицы, близкие друг к другу по своим морфологическим свойствам (простые, неизменяемые) и синтаксическому поведению (слабые синтаксические связи с соседними элементами или отсутствие таковых), но при этом демонстрирующие большее разнообразие дискурсивных функций. Помимо единиц с маркирующими функциями из сферы **метатекста**, в число «дискурсивных частиц» типично включают формулы-реакции, реализующие самостоятельные реплики (ходы) согласия/несогласия в диалоге и, следовательно, принадлежащие к сфере собственно текста. Сюда же типично включают заполнители пауз и другие единицы, задействованные в механизмах смены коммуникативных ролей, а также междометия и некоторые другие. Поскольку **дискурсивные** частицы противопоставляются другого рода частицам, в данный класс, как правило, включают только те элементы, для которых

дискурсивная функция является первичной/единственной.

Вполне естественно, что классы, выделяемые в рамках формального и функционального подходов, являются перекрещивающимися: как было показано выше, далеко не все маркеры дискурса представляют собой дискурсивные частицы, равно как отнюдь не все дискурсивные частицы выполняют маркирующие функции.

Таким образом, в лингвистическом пространстве, образуемом научными понятиями, можно выделить, по меньшей мере, пять различных объектов, способных именоваться и именуемых маркерами дискурса. В целях отграничения этих конструктов друг от друга используем обозначения **МД1—МД5**. Во-первых, указанный термин может использоваться в отношении понятия, охватывающего **любые** языковые единицы, способные выполнять маркирующие функции в дискурсе (**МД1**). Кроме того, выделяются **два** различных лингвистических объекта в **области пересечения МД1** с дискурсивными частицами: **МД2** — понятие, соотносимое с особым функциональным подклассом в рамках формального подхода, с одной стороны, и **МД3** — понятие, соотносимое с особым формальным подклассом в рамках функционального — с другой. Другие разновидности **МД1** (т.е. не частицы), предлагаемые различными авторами, могут быть обозначены как **МД4 (МД4¹, МД4², МД4^п)**. Наконец, в силу своей популярности, термин «маркеры дискурса» может употребляться для обозначения всех единиц, попадающих в поле зрения в связи с обсуждаемой проблемой, т.е. как гипероним по отношению к **МД1, МД3, МД4** и всем дискурсивным частицам, включая **МД2**. Обозначим этот лингвистический объект как **МД5**. Именно в этом широком смысле сочетание «маркеры дискурса» используется в названии настоящей статьи.

Недифференцированное употребление термина в отношении разных понятий создает серьезные методологические проблемы. Так, в уже упомянутой нами диссертации М. Хельт [10] выдвигается задача определения путем корпусного анализа принадлежности единиц *well, oh, see, like, actually, kind of, about* к одному из двух классов — к классу адвербиалий или к классу маркеров дискурса. Думается, что четкое указание на то, в каком именно смысле автором употребляется термин «маркеры дискурса», повысило бы научную ценность проведенного исследования.

Упорядочение **лингвистического** пространства, состоящее в выяснении отношений между «населяющими» его сущностями, каковыми являются лингвистические понятия, а также в

¹ Обозначая данный подход как «формальный», мы имеем в виду ведущую роль грамматических критериев.

выяснении соотношения между именами, используемыми для идентификации последних, т.е. терминами, само по себе не ведет к решению проблемы «маркеров дискурса». Правомочность выделения функционального класса маркеров дискурса МД1, объединяющего разноуровневые средства языка, выполняющие маркирующие функции, едва ли подлежит сомнению. Структурирование данного класса по принципу поля, уточнение спектра маркирующих функций, выявление языковых средств, выполняющих конкретные маркирующие функции — все это важные исследовательские задачи, решение которых необходимо для создания более адекватного описания английского языка. Однако центральный вопрос, существует ли в английском языке «естественный» класс маркеров дискурса (о естественных прототипических категориях см. [23]), члены которого характеризуются особым, только им свойственным, **кластером** признаков, равно как и где этот класс локализуется в **языковом** пространстве, образуемом другими «естественными» классами, остается открытым. Его обсуждению, а также пояснению нашего взгляда на то, как лингвистические понятия соотносятся с «естественными» классами, будет посвящена вторая часть статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fraser B.* An approach to discourse markers / B. Fraser // *Journal of Pragmatics* 14. — 1990. — P. 383—395.
2. *Schourup L.* Discourse markers / L. Schourup // *Lingua* 107. — 1999. — P. 227—265.
3. *Aijmer K.* English discourse particles. Evidence from a corpus / K. Aijmer. — Amsterdam, 2002. — 299 p.
4. *Blakemore D.* Relevance and linguistic meaning : The Semantics and pragmatics of discourse markers / D. Blakemore. — Cambridge, 2002. — 200 p.
5. *Brinton L. J.* Pragmatic markers in English : Grammaticalization and discourse functions / L. J. Brinton. — Berlin ; N.Y., 1996. — 412 p.
6. *Fischer K.* From cognitive semantics to lexical pragmatics : The functional polysemy of discourse particles / K. Fischer. — Berlin ; N.Y., 2000. — 374 p.
7. *Östman J.-O.* You know : A discourse-functional study / J.-O. Östman. — Amsterdam, 1981. — 91 p.
8. *Schiffrin D.* Discourse markers / D. Schiffrin. — Cambridge, 1987. — 384 p.
9. *Schourup L. C.* Common discourse particles in English conversation / L. Schourup. — N.Y., 1985. — 173 p.
10. *Helt M.* Discourse marker and stance adverbial variation in spoken American English : A corpus-based analysis. Ph.D. Dissertation in Applied Linguistics / M. Helt. — Nau, 1997. — 245 p.
11. *Aijmer K.* Pragmatic markers in contrast / K. Aijmer, A.-M. Simon-Vandenberg. — Amsterdam, 2006. — 268 p.
12. *Fischer K.* Approaches to Discourse Particles / K. Fischer. — Amsterdam, 2006. — 506 p.
13. *Jucker, A.* Discourse markers / A. Jucker, Y. Ziv. — Amsterdam, 1998. — 380 p.
14. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. — М., 1998. — 768 с.
15. *Keller E.* Gambits : Conversational strategy signals / E. Keller // *Journal of Pragmatics* 3. — 1979. — P. 219—238.
16. *Redeker G.* Ideational and pragmatic markers of discourse structure / G. Redeker // *Journal of Pragmatics* 14. — 1990. — P. 367—381.
17. *Stenström A. B.* An introduction to spoken interaction / A. B. Stenström. — London, 1994. — 240 p.
18. *Stubbs M.* Discourse analysis : The sociolinguistic analysis of natural language / M. Stubbs. — Chicago, 1983. — 279 p.
19. *Labov W.* Therapeutic Discourse : Psychotherapy as Conversation / W. Labov, D. Fanshel. — N.Y., 1977. — 402 p.
20. *Fraser B.* Towards a theory of discourse markers / B. Fraser // Fischer K. Approaches to Discourse Particles. — Amsterdam, 2006. — P. 189—204.
21. *Lewis D.* Discourse markers in English : A discourse-pragmatic view // Fischer K. Approaches to Discourse Particles. — Amsterdam, 2006. — P. 43—60.
22. *Кубрякова Е. С.* Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. — М., 1997. — 331 с.

Воронежский государственный университет
Егорова М. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории перевода и межкультурной
коммуникации
yegorova@box.vsi.ru
Тел.: 8-920-427-79-91

Voronezh State University
Egorova M. A., Candidate of Philology, Associate
Professor in the Department of Translation Theory
and Intercultural Communication
yegorova@box.vsi.ru
Tel.: 8-920-427-79-91